5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 29 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

Рис. И. Малютина

„НЕ В СВОИ ТАНКИ НЕ САДИСЬ..."

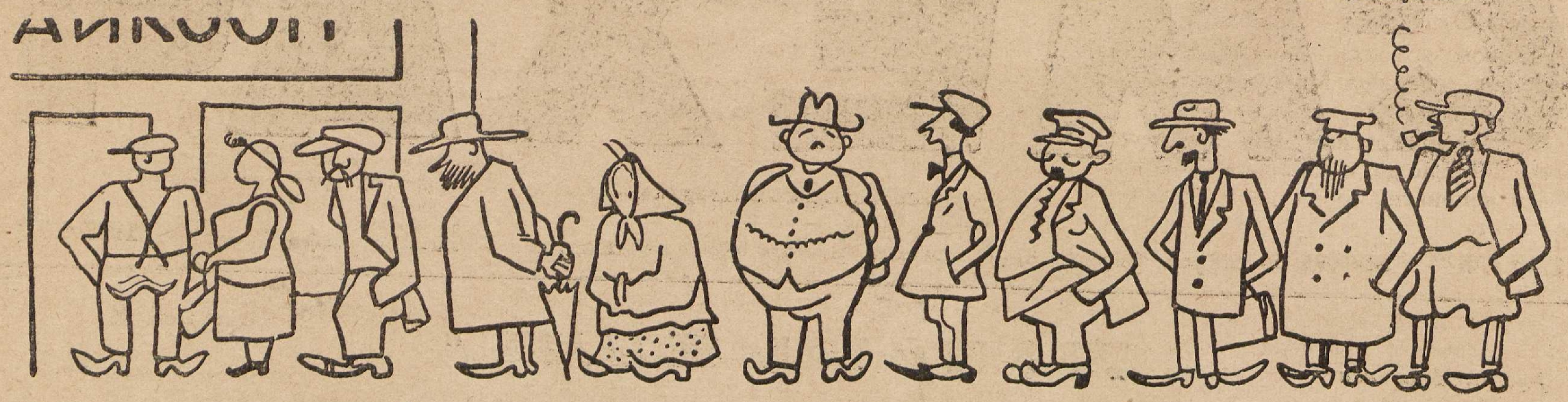
РАЗ'ЕЗД С ЖЕНЕВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

— Виноват, господин министр, вы не в свои танки попали!

И В ХВОСТ, И В ГРИВУ

Рис. Е. Малаховского

Обследованием выяснено что большинство стоящих в мануфактурных хвостах — частники-спекулянты.

— А верно писали, что „частник плетется в хвосте у коперации“!

ПРЕДГРОЗЬЕ

Еще по шифрам и по кодам
К войне сигналы не даны —
Но от зловещей тишины
Несет четырнадцатым годом.

И так и кажется: вот-вот
Взревут двенадцатидюймовки
И потечет за взводом взвод
На укрепленные зимовки,

И, словно каменной поры
Опять воскресшие останки,
Ихтиозаврами с горы
Сползут чудовищные танки,

И мрачных армий во главе,
Со складов движущейся базы,
Погонит ветер по траве
Всеудушающие газы!

К войне сигналы не даны
Еще невспугнутым народам —
Но от зловещей тишины
Несет четырнадцатым годом.

Как будто стало невтерпеж,
Что жизнь опять течет спокойно,
Что в поле колосится рожь,
Что зданья возникают стройно,

Что окна вновь освещены,
Что площади, как прежде, шумны,
Что дни работою полны,
А ночи отдыхом бездумны,

Что землю бороздят плуги,
А не гранатные осколки,
Что книги копятся на полке,
Что люди людям не враги,

Что дети веселы, как дети,
От треска праздничных ракет...

Не так-ли узколобый шкет
Вдруг забывает все на свете

И, ширя наглые зрачки,
Крадется, притаясь, как кошка,—
Не в силах удержать руки
При виде целого окошка!

А. Д'АКТИЛЬ

ЗАГРАНИЧНЫЕ ЗЕМЛЕТРЯСЫ

По поводу землетрясения в Крыму наука сказала уже свое веское слово.

— Кавказ и Крым,— сказала она,— находятся еще в периоде сформирования. А в этом возрасте всегда бывают внутренние сотрясения у кого бы то ни было.

Это нас немного утешило. Приятно сознавать, что земля наша не так уж стара, как это принято думать, а, наоборот, еще так юна, что даже формируется. И пишущему эти строки, ходя по земле и наступая ей то на нос, то на ухо, очень приятно думать:

„Миллиардик лет еще пошагаю по тебе, земля-матушка, в безопасности. Не старики еще мы с тобой, формируемся только“.

Заграничные землетрясы отнеслись, конечно, к землетрясению по своему, по землетрясовскому. Приведем несколько статей, которые, очевидно появились в белых эмигрантских газетах, выходящих за границей.

В „Последних Новостях“ серьезный Милюков дает спокойную, но весьма дальновидную оценку землетрясению. Он пишет:

— „Это была только репетиция. Маленький опыт. Большевики обрушат крымские горы на английский флот, если он когда-либо снова появится в Черном море и кавказские—на английскую армию, если они вздумают приблизиться к Грузии. Я это предсказывал еще в 1905 году. Предсказываю и теперь. Необходимо отнять у большевиков геологию. Я это говорю, как ученый, как историк, как политик, как нумизмат, как собиратель марок. Англия, бди! Боже, бди короля!“.

В газете „За свободу“ (а впрочем, чорт ее знает, как она там называется), издающейся в Варшаве (а впрочем, черт ее знает, где она издается) пророчествует Мережковский:

...„Трясется земля, ниц падают горы, в страхе мечутся моря: се грядет Кирилл, император всероссийский!

В деснице его обоюдострый меч, на коем еще остались кружочки шашлыка, который его величество подавал хорошим гостям.

В шуйце его ковш — символ самодержавия.

Се под стопами его качается земля, дрыгая горами. Се в великом страхе качаются долы. Се качается Кирилл, император всероссийский и Мережковский“.

В „Новом Времени“, издающемся в Праге, почти напали на истину. Статью, появившуюся в этой газете, нельзя назвать пустым рассуждением. Это—собрание фактов. Это — разоблачение.

...„Мы давно уже подозревали,— пишет автор статьи, сам редактор газеты Суворин,— что в Крыму и на Кавказе большевики что-то замышляют.

Давно уж к нам поступали сведения, что на одном из заседаний ЦИК'а было постановлено частично перевести Крым и Кавказ в Москву.

Мы об этом кричали, но нам не верили. Даже англичане не верили, хотя они всегда нам верили,— даже тогда верили, когда они знали, что мы врем.

Перевозка между тем началась. Горы поменьше были упакованы в ящики и переправлены в московские музеи. Море перевозилось в цистернах и даже бочках.

Так продолжалось до тех пор, пока не дошло до Чатырдага. Гора не выдержала. Оказалось, что Чатырдаг был очень непрочно сложен при созидании его. Дренаж ни к чорту не годился. Утрамбован он был совсем скверно. При первом ударе лопатой Чатырдаг рухнул. Естественно, что было сотрясение.

Родина мать! Мать наша, родина! Ты видишь, что делают с твоими горами большевики! Доколе, о мать богородица!“.

Много еще было написано и высказано в русских и иностранных белогвардейских сферах по поводу землетрясения, но наилучшим и наивернейшим мы считаем высказанное Ллойд-Джорджем.

Прочитав о землетрясении в Крыму, он спокойно произнес:

— Я всегда говорил, что Чемберлен и Хикс дураки!

На просьбу об'яснить, какое отношение имеет глупость вышеназванных им лиц к землетрясению, он сказал:

— Они дураки совершенно безотносительно к каким бы то ни было событиям. Они дураки при всех стихиях: в грозу, в бурю, в мор, в глад!

Ллойд-Джордж иногда бывает по-своему прав.

О. Л. Д'ОР

„КАМПАНЕЙСКИЙ“ ПАРЕНЬ

Конечно, товарищ Милохумов, серьезный и выдержанный товарищ, не может быть назван модником в прямом смысле слова, так как никаких склонностей к обрастанию костюмами не проявляет. Однако...

Словом, вот несколько сведений о поведении товарища Милохумова за последнее время.

В один прекрасный день посетители, имевшие дело до товарища Милохумова, были неприятно поражены пустотой его кабинета.

— Где же сам?—спросили они у секретаря.

— Запишите адрес,—ответил секретарь,—деревня Мышихи, Лошаковской волости, Мохряковского уезда. Там теперь и кабинет его, туда и бумаги посылаем на подпись. Если что надо—передайте мне: через полчаса отправляем туда курьера...

И огорченные посетители узнали, что товарищ Милохумов твердо повернулся лицом к деревне, в виду чего и кабинет свой перенес в подшефную волость. Надо при том заметить, что кампания тогда только начиналась и малоактивным посетителям казалась просто в диковинку.

А когда идея внимания к деревне широко распространилась по Союзу, и когда какой-то посетитель по срочному делу сам поехал в деревню Мышихи, Лошаковской волости, то кабинет там был уже ликвидирован и товарища Милохумова на месте не оказалось.

Товарищ Милохумов в это время разрешал половой вопрос: он отказался от вредных излишеств в этой области, развелся с женой (после четырех лет совместной жизни) и поехал в Оренбургскую губернию искать некую девицу, с которой сошелся незадолго до февральской революции. Никаких излишеств,—формулировал товарищ Милохумов,—с оренбургской девицей я сошелся значительно раньше и с ней должен жить.

Кампания по половому вопросу была непродолжительна. Но все же она еще не успела кончиться, когда товарищ Милохумов бросил девицу и обратился... не к жене, нет, а к артистке очень частного балета, премированной на конкурсе красавиц в Кинькино: ведь начиналась уже кампания по качеству, а премированная красота—это ли не качество жены?!

Ну-с, потом жена (новейшая) уехала на гастроли в Ленинград, а тут некстати наступил режим экономии. Товарищ Милохумов в виду помянутого режима отправился к жене в Ленинград пешком. Дошел уже до города Клина, а за это время наметилась борьба с хулиганством.

Товарищ Милохумов, не теряя времени, обрушился на двух молодых людей, позволивших себе плюнуть мимо урны. Составил протокол, привлек местные власти, а затем, освобожденный от режима экономии, поездом вернулся в Москву.

В Москве подождал недельку и, так как в этот срок дело о хулиганах, плевавших мимо урны, не подвинулось, товарищ Милохумов в связи с борьбой против бюрократизма стал привлекать к ответственности за бюрократизм все Клинские власти...

... Приятель Милохумова, знающий о его, Милохумова, страсти быть одним из первых во всяком общественном деле, недавно спросил его при встрече:

— Ты как—по снижению цен работаешь, или—по туризму?

Но Милохумов даже обиделся:

— За кого ты меня принимаешь? Снижение цен у меня уже вторую неделю секретарь донашивает. А туризм—давно у курьера...

— А ты что же тогда делаешь?

— Работаю по экспорту свежих фруктов.

— Позволь, так ведь фруктов-то еще нет? Когда еще будут!..

Но товарищ Милохумов ответил:

— Во-первых, была уже статья в „Правде“ об экспорте фруктов. А потом должен же я быть впереди...

▼

Ясное дело, автор прилгал насчет поступков и соображений товарища Милохумова. Но ведь без того и фельетон не пишется. А по существу такими модниками, как товарищ Молохумов, у нас пруд пруди.

В. АРДОВ

РАБОЧИЕ ШУТКИ.

Недавно, нынешней весною —
В конце какой-то из бесед
Меня спросили:
— Что такое
Консервативный кабинет?
Скажите, в чем его программа?
Я слышу дальше сквозь галдеж:
— Направо, за угол и прямо
То будет... не одно и то ж?
Какой-то паренек спроста —
Возьми да добавленьем ахни:
— Хоть обстановка в нем не та
Но там, ведь,
Так же плохо пахнет?!
Вопрос исчерпав, как умел,
Я спорить с парнем
Не посмел.

А. ЖАРОВ

КУЛЬТУРНЫЕ МЫСЛИ

◆ Интриги в романах стали менее обязательны, чем в издательствах.

◆ Нам необходим выпуклый кино-экран! А то все отечественные кино-сатиры получаются слишком плоскими.

◆ Сами мощи не разлагаются. Но зато они действуют разлагающе на других.

◆ Религия опиум не только для народа, но и для попов! Ибо и она, как опиум, успокаивает урчание поповского желудка.

◆ Фокстрот был криком моды. Ныне этот крик перешел в стон; вернее в чарльстон!

◆ Мы все происходим от обезьяны. Но в анкетах такое происхождение не учитывается.

◆ Наши издательства выпускают книги в пестрых обложках только для того, чтобы книги эти не считались бесцветными.

◆ Из-за хозрасчета наши школы стали походить на привиллегированные: многие из них попали в разряд закрытых учебных заведений.

◆ И при вращающейся сцене в некоторых театрах бывают плохие обороты.

М. НОВАРСКИЙ

В МУЗПРЕДЕ

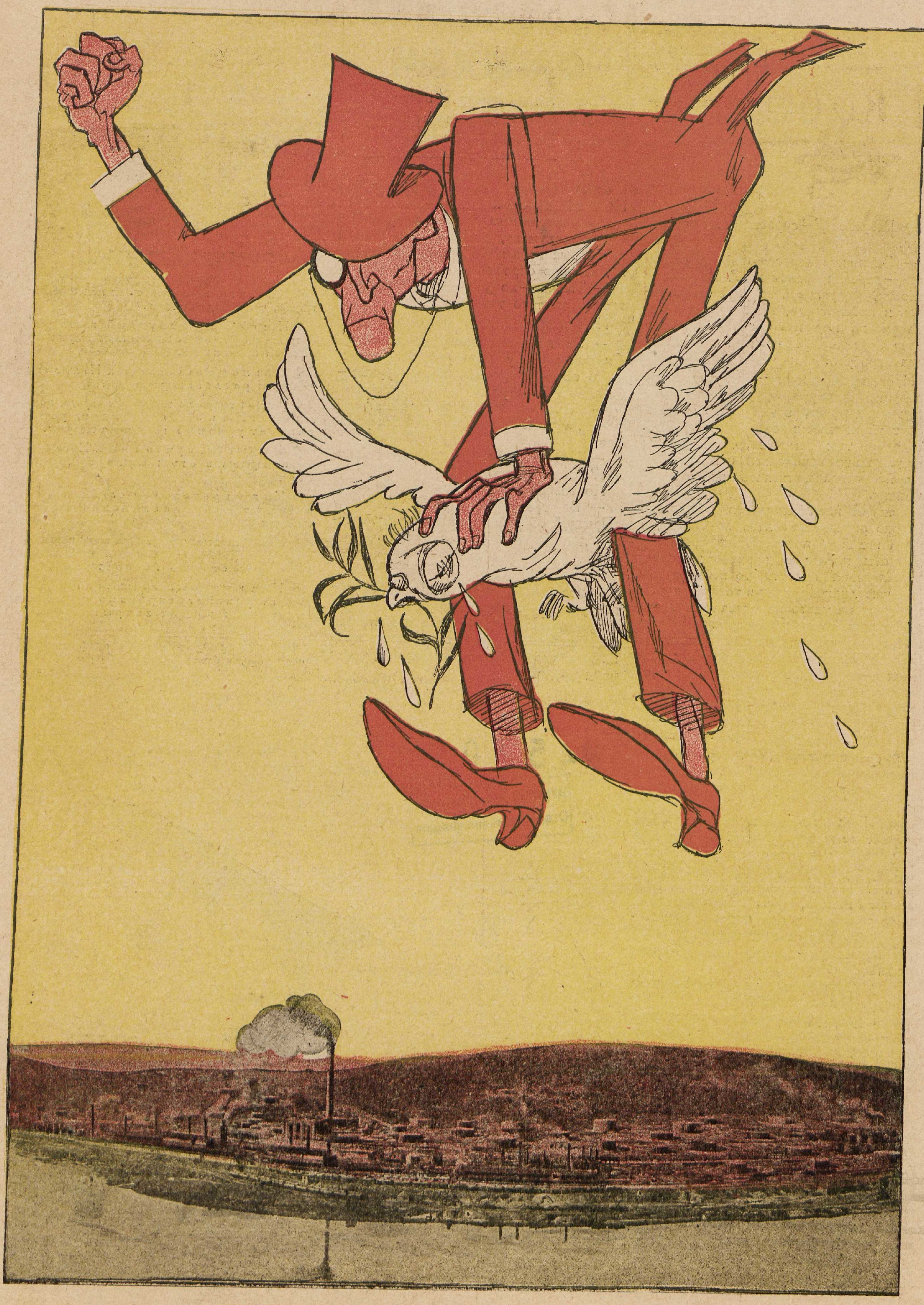
Рис. Б. Антоновского

— Что прикажете?
— Покажите нам пианино в четыре руки.

Рис. М. Черемных

ГОЛУБЬ МИРА

ЧЕМБЕРЛЕН: — Донеси только до Женевы, а там хоть сдохни!

РАЗБОР ДЕЛА

Рис. А. Радакова

— **У вас, говорят, хищения. Нужно разобрать.**

Разобрали...

ТЕО—РЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Я сам видел и слышал на улице.

Они встретились после долгой разлуки, оба сытые и солидные, в превосходных костюмах, с щегольскими портфелями и тростями.

И все в них, от масляных глаз до двойных подбородков, говорило без слов о приличной жилплощади, о спокойном житье, о винте по субботам, а главное — о хороших спецставках в учреждениях с солидной госмаркой.

Повели они странный до крайности разговор.

— А вы помните,— сказал весело первый, — как мы с вами в актерах-то отличались?

— Ну, еще бы — смеясь подхватил второй,— вы никак неврастеником были?

— Эко, батенька брякнули! Я ж героем служил! Даже в Шиллере разорялся... А вы комиком, кажется?

— А то как же, хо-хо! Я ведь спец по Мольеру считался!

— Стойте, батенька, позабыл я,— да мы где с вами в 20-ом то были?

— А в Калужском гос-аке... Потом перешли в эту, как ее... Да, в Губкожу. Она драму держала при клубе... Только вот жалованье подметками платили...

— Да-да!— вспомнил второй, — а весной мы кажись в Губтрамот перешли,—водевиль в саду, помните?

— Нет, а лучше всего в губпродкомской оперетке было. Я за баса служил, а вы тенором, что ли?

— Да уж я и забыл. Получал я по сопранской ставке, а что пел — не припомню.

— А в лесном складе театр деревообделочники держали. Там Никошкин с женою спасался, злодеев играл... Где-то он теперь?

То же, батенька, тут. Теперь в тресте злодействует, шишкой стал, ого-го!

— А ведь а-атличная была мода!— с чувством сказал первый, — что ни дом, то театр... И пайки. И разряды. И снег чистить не брали. Кррасота!

И я вспомнил.

ПОЗВОЛЬТЕ! Ведь и я тоже служил. В 21-ом. И злодеем и комиком. Даже раз, потерявши на сцене очки, провалился к суфлеру ко всеобщему удовольствию невзыскательной публики.

А коллега мой, — теперь строит мосты, — умирая в пьесе, своротил на себя целый дом, а ногой сшиб луну прямо на пол.

А любовник наш, — нынче он агрономом в колхозе, — очень нравился публике из-за неожиданных оговорок.

Вместо слов „воля ваша“, он упорно твердил: валя воша; вместо слова „записка“, выговаривал ясно—„жапишка“. И однажды, выйдя к рампе в старинном кафтане сказал пышным придворным, посиневшим от холода, вместо скрибовской фразы — „Королева просит свой двор“—

— Королева просится на двор! — чем очень утешил весь зал, но расстроил весьма королеву, жену видного губработника.

И при мне же зимою ответрук пред началом спектакля заявил нетерпеливо топавшей публике:

— Обождить трошки. Нехай прежде хтерщики печку затопят на сцене, бо иньше играть невозможно!

Там же в день „Париж—коммуны“ выступавший в концерте местный трагик из коммунхоза прочитал густым басом, со слезой, но без знаков препинания:

— „Пузорной казни обрэчённый
Лежыт у цепьях венхерский грахв
Своей отчизне угнетенной
Хотев спомочь он гордый ндрав“.

А на бис, колотя себя в грудь кулачищем и страшно вращая глазами на ус том, рябом лице, заявил:

„— Смотрите усе! Я хороша!
Мой взор не охлажден годами.
И ось теперь моя душа
Зараз открита пьеред вами!

В общем, все в те поры сверкали талантами. Адвокаты из бывших любили петь тенором. Из акцизников выходили отличные резонеры. Безработные дьякона надрывались в Шекспире, а чиновники всех масштабов и рангов просто плавали в „Ревизоре“.

И ВОТ все мы теперь на местах. Пишем, служим, работаем, и нет моды уже на трагедию, драму и оперу в каждом доме, подъезде и учреждении.

Мода на театры прошла.

Зато пришла мода в театры.

На царей и дворцовые тайны. На фокстроты и акробатику.

И, к несчастью, на померших, беззащитных классиков.

Но кто знает из вас, дорогие читатели, что обидней покойному Гоголю:

— „Ревизор“ в исполнении драмтруппы „Губтопа“, или он же по Мейерхольду

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

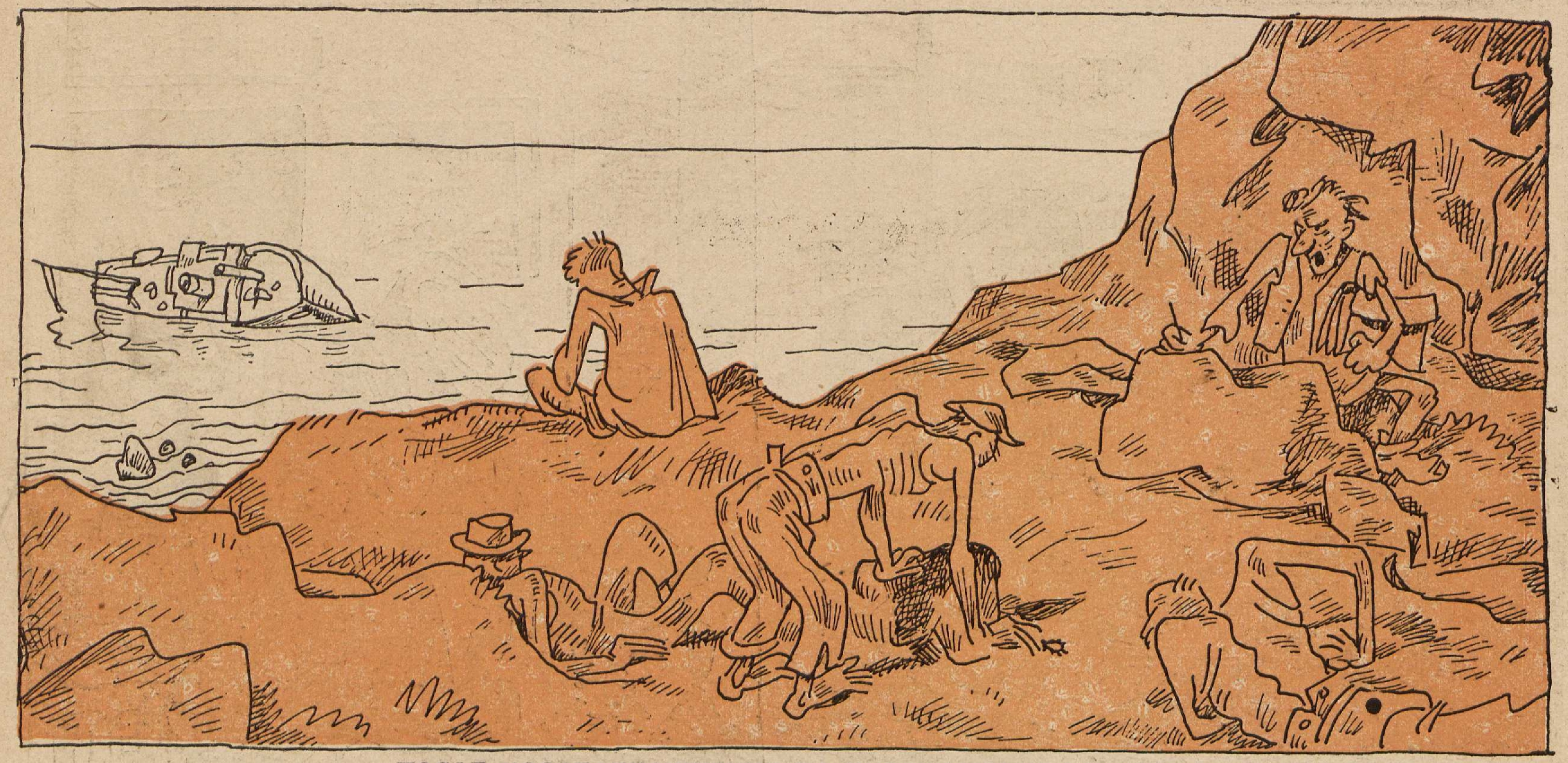
ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ

Чтоб в ВУЗ готовиться, ей нужен
„Менн и Твисс“,
И „паутинка“—чтоб понравиться Алешке.
А денег — 2 рубля. Хоть разорвись.
(И колбасы и сахару — ни крошки).
Ей летний день решенье подсказал:
— Купи чулки! — шепнул он под сурдинку.
Она вскружила Лешку паутинкой,
А Лешка „Менн и Твисса“ ей достал.

ЛИДИЯ ЛЕСНАЯ

ДОКЛАДЧИК ПОБЕДИЛ

Рис. Б. Антоновского

ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

— А, голубчики! Теперь—не уйдете! Об'являю общее собрание открытым. На повестке дня—следующие вопросы

ИДЕТ ДОЖДЬ

КОГДА был март, газеты писали, что тепло наступит в апреле. Но в апреле стояли сначала январьские морозы, потом пошли сентябрьские дожди. Тогда появилась, так называемая, карта весны, из которой можно было понять, что настоящее тепло переносится по непредвиденным обстоятельствам на май, и что сухие и ясные дни последней половины этого веселого месяца будут единственными такими днями во всем лете. Но карта нисколько не помогла делу, и весь май тоже шли дожди.

Тогда появилась новая карта, где, напротив, говорилось уже, что ясных дней следует ожидать с окончанием циклонической деятельности, только во второй половине лета.

Проверить это можно будет, очевидно, в июле,— боюсь, что появится третья карта, которая пообещает тепло уже в сентябре. Похоже, что карты врут, как календари.

Какой-то старичок в трамвае, прочитав предсказание в газете, сказал соседу, мясистому человеку в суконном картузе:

— Циклоны, циклоны... Почему, спрошу я вас, до революции не было никаких этих циклонов?

— Богу молились,— сказал мясистый человек.

— Нету порядка, нету,— вздохнул старичок: — сколько лет без циклонов жили, так выдумали на свою голову...

Сосед у меня, прочитав последнюю карту, пошел покупать дождевик. Большинство этих предметов имеет теперь странное свойство: когда идет дождь, пальто остается, как будто, совершенно сухим снаружи, но абсолютно намокает изнутри. Потом все оно покрывается какими-то рыжими пятнами и полосами и приобретает нестерпимо футуристический вид.

Мой сосед, купив дождевик с гарантией, сейчас же устроил дома тщательную экспертизу. Он развесил пальто на плечиках в ванной и обильно стал поливать его, приладив кишку от клизмы к крану, водой.

Дождевик соседа промок, и он пошел об'ясниться и требовать деньги обратно, в магазин; предприятие это успеха, очевидно, не имело, потому что, вернувшись, он попросил у меня чернила, чтобы писать заявление в комиссию по качеству продукции и в МУУР.

Идет дождь. Он идет целую неделю, но почему-то всем кажется, что „это“ обязательно кончится в воскресенье и можно будет, как всегда, прихватив несколько бутербродов с кетовой икрой, выехать всем семейством на Клязьму или в Боровиху.

В нашей квартире обсерваторный пункт заменяет пионер Витька, крайне легкомысленный мужчина тринадцати лет. Вообще-то говоря, он серьезен, как Эйнштейн, и в футбольных матчах шестнадцатой школы ХОНО играет вратаря; но потому что матчи происходят по воскресеньям, оптимизм его субботних предсказаний погоды не знает никаких границ.

В субботу, едва пообедают, он начинает бродить, пожевывая ириску, из одной комнаты в другую, потому что из разных комнат видны, как он утверждает, различные стороны неба. Выглянув поочередно во все окошки, он говорит не совсем уверенно, но с мольбой и надеждой в сиплом и простуженном мальчишеском баске:

— Проясняется.

Тогда все тоже идут к окнам, высовываются и, задрав головы, долго смотрят вверх; но небо попрежнему сырое, какое-то серое, тоскливое и нависшее.

— Врешь ты все,— со скукой говорит отец и опять ложится лениво на диван, для чего-то прикрывая лицо газетой, хотя мух нет еще и в помине. Витька снова бродит по комнатам и высовывается, тоскуя, во все окна: ему мучительно хочется, чтобы прояснилось.

С утра в воскресенье все раздражены, оглушительно хлопают дверьми и долго и шумно ссорятся в коридоре из-за очереди в ванну и из-за того, что кто-то обсыпал умывальник зубным порошком.

Напротив заводят дрянной граммофон, он играет вальс „На сопках Манчжурии“, и хриплые, прерывистые звуки заполняют двор. В соседней комнате начинают играть со скуки в лото, и кто-то говорит мечтательно, выкликнув номер:

— А вот в Испании, рассказывают, совсем не бывает дождей.

Я выхожу, подняв воротник промокаемого пальто, на улицу: промокаемое пальто лучше,— оно набухает только через полчаса, и то сверху.

У извозчика на углу поднят верх, и лошаденка стоит понуро, прижав уши, лоснится вся, и с брюха у ней капает вода. Холодные, противные брызги падают с деревьев за воротник и вызывают дрожь в теле; встречные люди хмурятся, нахохлились и не смотрят почему-то друг другу в лицо.

Блестит мокрый асфальт и клеенки на лотках, и мутны и запотели стекла магазинных витрин.

Идет дождь...

А. ЗОРИЧ

НАПРАСНАЯ ПАНИКА

Рис. Н. Радлова

— Что случилось?
— Не видите? Землетрясение!
— Так почему-же такая паника? Это-же не ревизия!

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КРИТИКА

Рис. Н. Радлова

В последнее время участились карманные кражи в под'ездах театров.

— Хряем, Мишка, в другой театр.
— А что?
— Да я знаю этого автора: на его пьесы никто не ходит!

ИЗ АЛЬБОМА ФЕОФИЛАКТА ЛИНЕЙКИНА

(писано во время двухнедельного отпуска)

Посвящается начальнику И. И. Б-кину

*

Понедельник.
Когда вчера входили вместе в воду,
Прочел через пенсне я ваш лучистый взгляд.
Вы ласково глядели на природу,
А мне почудился... тринадцатый разряд!

И. И. Б.

*

Четверг.
Просили вы, чтоб вам намылить шею,
Купались мы у Черноморских вод,
Но как дерзну? Но как, пардон, посмею
Намылить вам ответственную шею
Я, безответный счетовод?!

И. Б-ну

*

Суббота.
Ты дремал, без тени фальши,
Я сгонял прилежно мух...
Если так пойдет и дальше
Буду к августу помбух.

И. И.

*

Вторник.
Сбылися пылкие мечты —
Пустое Вы сердечным ты
Ты заменил для простоты.
Сидели рядом за обедом
Линейкин с собственным зампредом!

Ване

*

Пятница.
Я к тебе без доклада вхожу,
Ты не сердишься, Ваня, ничуть,
Я на кресле помбуха сижу
И усыпан разрядами путь...

К природе

Воскресенье.
О, волны! О, луна!
Я чашу пью до дна!
Он сокращен и едет в РККІ
Так вот судьбы рука?!?
Я еду вслед...
Прощай, помбух! Прощай, зампред!
Пока!!!

Всем... Всем... Всем...

Вторник.
Узнайте ж все: — средь бела дня
Они уволили меня!!!

Ни соловьев... Ни звезд... Ни трепетных лобзаний...
Читатель, не ищи любовных излияний,
Здесь излилась, карьерою дыша,
В строках лирических чернильная душа!

АЛ. МАКЕДОНСКИЙ.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„Согласно общему закону", журнал „Известия физической культуры" (№ 9) додумался до военизирования... игр.

Под заголовком „Игры, развивающие мужество", журнал рекомендует:

> Игра начинается по сигналу руководителя. Контрабандист, набрав в кружку воды, идет с ней по бревну. В это время сторожа его обстреливают мячами. Если контрабандист оступится и сойдет с бревна, он должен вылить воду из кружки на землю и итти к концу бревна с пустым ведром, где он и стоит, пока партия не будет меняться. Если же контрабандисту удалось пройти по бревну, он выливает воду из кружки в пустое ведро, кидает кружку своим товарищам, стоящим у противоположного конца бревна, и остается ждать перемены партии. Затем идет по бревну следующий контрабандист и т. д., пока не перейдут все. Тогда руководитель отмечает мелом на стенке ведра, сколько воды удалось перенести контрабандистам. После этого вода из ведра переливается и т. д.

В настоящее время переливание воды из одного ведра в другое называется торжественно: „военизированные игры", а еще так недавно это называлось гораздо проще:

— Переливание из пустого в порожнее...

*

Писателю Борису Лавреневу кажется почему-то, что если нефть — горючее вещество, то от нее всегда должен идти дым:

> — Сегодня с корабля я видел за городом большое дымное облако. Это, вероятно, и есть ваши знаменитые нефтяные промыслы? („Крушение республики Итль" роман, М. Л. 1926).

Плохо дело, если над нефтяными приисками покажется дымное облако! Это значит — пожар.

Впрочем, Б. Лавренев о нефти имеет вообще понятие отдаленное и ценит ее дешевле пареной репы. У него вся территория приисков в 300 действующих вышек и в 200 ремонтирующихся „с готовым оборудованием и имеющимися запасами нефти" продается дешевле пареной репы, — за 6 миллионов, да и то в рассрочку...

Да, поистине трудно описывать тигра, зная только кошку, да и то по любительским фотографиям.

*

Все мы знаем знаменитого астронома Фламариона, и никто из нас не знает астронома Виркинса. Этот последний пишет („Звездная книжка", изд. „Молодой Гвардии") о затмении солнца следующее:

> Земля вертится вокруг солнца, а Луна вертится днем и ночью вокруг Земли. Случается, что Луна становится против солнца и заслоняет нам солнечный свет. Это и называется затмением солнца. Становится темно Коровы бегут с поля домой. Им кажется, что настал вечер.

Из всех описаний солнечного затмения вышеприведенное — наиболее исчерпывающее (особенно хорошо описано переживание коров).

Можно смело сказать, что в описании солнечного затмения Виркинс з а т м и л Фламариона.

*

Из книги Конрада Берковича „Счастье" (изд. „Современные проблемы")

> Упрямый старый б а р а н сразу шмыгнул в гущу стада и спрятал свою б о р о д а т у ю морду (стр. 16).

Это козлы с бородой ходят, а бараны — они принципиально бороды не носят: они — бреются.

*

С. Я. Голомб („Птичьи сказки", Л. Г.) пишет:

> И гогочет песнь гусиную:
> Га-га, га-га, га-га, га-га, га-га, га-га,
> га-га, га-га!..
> Из оврага вышла гага...

Гоготал-гоготал Голомб, а все только для того, чтобы об'явить, что „вышла гага".

Для одной гага шестнадцать га-га — это, при режиме экономии, многовато.

*

В № 23 журнала „Экран" (издание „Рабочей Газеты") на страницах 8—9 помещены „злободневные" снимки „На Волге".

Три снимка из этой группы были помещены в номере 33-м журнала „Огонек" за... 1925-й год!

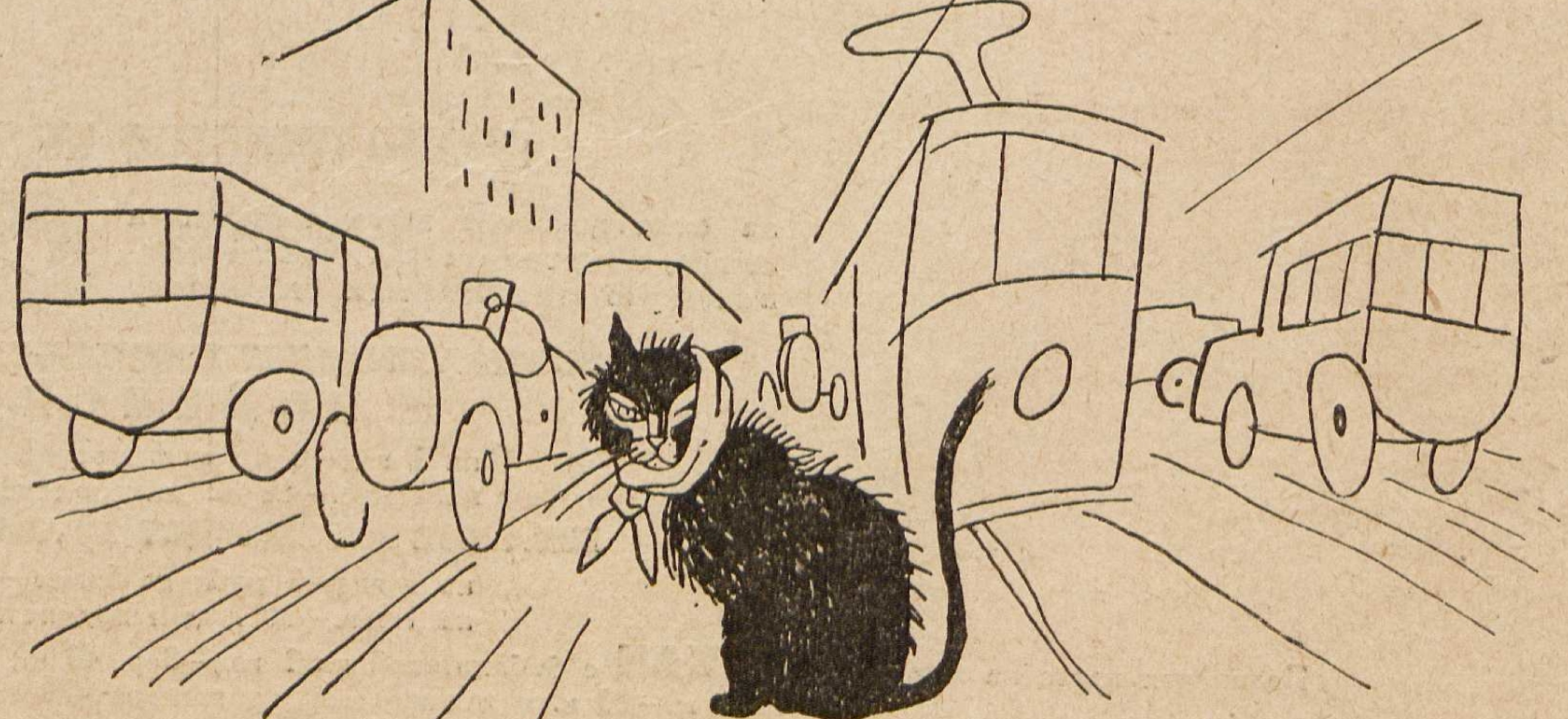
Если журнал „Экран" не всегда имеет возможность давать своим читателям оригинальные снимки, — не лучше ли редакции „Экрана" снабжать в этих случаях свои фото-перепечатки припиской:

— В т о р ы м экраном!

ИЗЖИТАЯ ПРИМЕТА

Рис. Б. Малаховского

Заказана новая партия автобусов.

КОТ: — Вот жизнь теперь пошла! Даже никому дорогу перебежать нельзя...

Рис. А. Радакова

ПАРОХОДЫ НОВОЙ КОНСТРУКЦИИ

„Несмотря на запрещение консерваторов,—английские пионенры выехали в СССР“.

ХИКС и ЧЕМБЕРЛЕН:—Удивительные нынче пошли пароходы: носы на корме!

О ДЖЕКЕ, КОТОРЫЙ УТЕР НОС

Всем остальным ребятишкам пример,
Новой жизни побег.
В Лондоне жил один пионер,
Которого звали Джек.
Парнем что надо мальчишка рос...
Было бы все ничего,
Только... всегда... обязательно... нос
Грязен был у него!
Не помогал ни платок, ни рука.
Нос был для всех огорченье.
Мама с ним билась упорно, пока
Не потеряла терпенье.
А, возвращаясь с работы, отец
Конфузил беднягу до слез:
— Джек! Да утри же ты нос, наконец!
— Джек! Утри нос!
Горю такому мальчишка не рад.
Но унывать? Никогда!
С носом невытертым бегал в отряд,
Первый в работе всегда.
И — не от злобы ребячьих сердец —
К прозвищу Джек прирос.
— Как называется этот малец?
— Джек - Утри - Нос!
Вот он, недаром другим был пример,—
Выбранный волей ребят.
Джек собирается в С.С.С.Р.
Ехать, как делегат.
В гавани громко сопит пароход,
Ласкова гладь морей.
К важному сэру за визой идет
Джек, чтоб уехать скорей.
Сэр, на макушки поправя парик,
Глянул и сдвинул брови.
— Как? Что такое? Да ты большевик
Иль большевистской крови!
— Ехать в Москву? На себя посмотри!
— Ты до стола не дорос.
— Визу? Ты нос себе раньше утри!
— Раньше утри нос!
Джек в Ленинграде! Он пишет домой.
Пишет про то и про это.
„Папа! Привет тебе радостный мой,
Привет из страны советов!“
Приписка: для мамочки и для сестер,
Важная чрезвычайно:
„Милые! Нос, наконец, я утер!“,
Только... не свой случайно!“

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

ТРУПРОАР СБРОУК

Лицом к таракану

Обыкновенный желтый таракан отвратителен и вызывает тошноту, появившись перед вашим носом, на столе, рядом со стаканом чая.

Но если он приходит из щели, как некое гениальное откровение, как блестящая идея на своих шести противных ножках, идея, сразу открывающая перед вами грандиозные перспективы,— тогда — слава такому таракану!

Тогда вы забываете о его неприятном виде, о его толстом веретенообразном брюхе и его усах, нащупывающих вашу булку, и вам хочется взять дорогого таракашку и прижать к благодарному сердцу, раздавив в своих пылких об'ятиях.

Это вступление,— философское, но, быть может, слишком лиричное,— необходимо, чтобы читатель понял, почему восторг осветил лицо Петра Степановича Хурдомурдова, при виде таракана, деловито бежавшего по столу.

Какое ж откровение принес Хурдомурдову этот таракан?

Петр Степанович Хурдомурдов — член инициативной группы некой „Трудовой производственной артели“, возникшей на том основании, что „и цыпленки хочут жить“.

Трудовая производственная артель давно уже сорганизована (П. С. Хурдомурдов, Семен Семенович Соскин и Андрей Афанасьевич Гопак-Гопаченко) и носит чудное название „Трупроар-Собрук“.

Трупроар-Собрук — это для телеграмм, если кто нибудь вздумает сноситься по телеграфу. А в переводе на популярный русский язык оно означает — „Трудовая производственная артель — Собственной рукой“.

В тот памятный вечер, когда инициативная группа, в составе Хурдомурдова, Соскина и Гопак-Гопаченки, кряхтела над этим трудовым делом, Семен Семенович Соскин прямо сказал:

— Тут десять мудрых Соломонов зачешут затылки и скажут: извиняюсь!..

Но все же именно Соскину удалось придумать первую половину: „Трупроар“.

— Гопак-Гопаченко немного усомнился в звучности:

Погано. „Труп-роар“... „Роар“ еще ничего, но „Труп“... Как-то оно могилой отдает.

— Так что ж такое, что труп?! — горячо схватился Соскин; — Не будем придираться к словам. Докажем на деле, что наш Трупроар это такой труп, из которого, слава богу, жизнь бьет ключем. Ваше слово, Петр Степанович?

Хурдомурдов, уставший подыскивать названия по буквам, начиная от „А“, и безнадежно застрявший в эту минуту на „Ы“, поддержал Соскина. Гопак-Гопаченко сдался:

— Ладно. Голосую.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Новый роман Максима Горького „Жизнь Клима Самгина“ печатается одновременно во многих журналах и газетах.

Рис. А. Радакова

ЧИТАТЕЛЬ:—Куда ни кинь,— везде Клим!

Вторая половина („Собрук“) возникла, как результат оригинальной привычки Гопак-Гопаченки вдруг ни с того ни с сего запеть какую нибудь песню.

Эта привычка так крепко в нем сидит и так назойливо лезет наружу, что каждый раз, когда он приходит в читальню, заведующая строго предупреждает:

— Только сегодня, товарищ Гопак-Гопаченко, убедительно прошу вас не петь.

Но предупреждения не помогают. И в самую ту минуту, когда тишину прерывает только шелест бумаги и урчание в желудках некоторых посетителей, вдруг, совершенно неожиданно и даже вразрез с настроением, навязанным событиями дня, вырывается из груди Гопак-Гопаченки, во весь его зычный голос:

— „За сви-ста-лы коза-козаченьки“...

Из-за этой своей пагубной привычки Гопак-Гопаченко и под сокращение попал: допелся.

Как бы там ни было, на сей раз он оказал артели неоценимую услугу, вдруг рявкнув во время тяжелой паузы:

— „Своею соб-ствен-ной рру-кой!“...

— Это нам и нужно! — радостно заявил Хурдомурдов: — Спасибо, Андрий? Великолепная мысль: назовем артель „Собственной рукой“... „Собрук“!

Когда, таким образом, случай помог преодолеть трудность, перед трудовой производственной артелью во весь рост встал мучительный вопрос:

— Что производить?

— Может быть, кремни для зажигалок? — высказал предположение Хурдомурдов.

— Немножко опоздали! — возразил на это Соскин. — В двадцатом году так оно бы пошло, а теперь кремневый период истории уже закончился. Есть же, слава богу, спички!

Придумать продукт производства, что бы на него был спрос и чтобы он дешево обходился артели,— было бы еще трудней, чем сочинить название артели.

Соскин смотрел в потолок, часто моргая глазами и бормоча, с видом самого энергичного намерения придумать немедленно, сию же минуту, вот здесь, на потолке:

— Собственной рукой?.. Так. Очень хорошо. Что же, например, мы можем собственной рукой?..

Гопак-Гопаченко подстерег паузу и наполнил ее грозным воплем:

— „И будешь ты царицей ми-и-ра!!“.

— Царицей мира...— подтвердил Соскин. — Царицей... мира... Собственной рукой... Постойте, Гопак,— если это совет, так спасибо за такой совет! Замечательный совет: производить царицей мира! Кушайте их сами с маслом.

В тот день так и не решили, что будет производить артель „Собрук“. И, дав друг другу слово подумать дома и „созвониться по телефону“, члены артели разошлись по домам.

И тут-то в поле зрения Петра Степановича Хурдомурдова появился упомянутый выше обыкновенный желтый таракан.

— Нашел! — немного погодя кричал Хурдомурдов в телефон Соскину: — Дьявольски просто, дешево и сердито! Успех предприятия обеспечен!

— Что же это такое?

— По телефону нельзя сказать — это секрет нашей фирмы. Приезжайте немедленно. Позвоните Гопаку — пусть тоже едет.

— Ну-с, дорогие мои! — сияя, говорил Хурдомурдов товарищам: — Пока вы ехали, я, не откладывая в долгий ящик, приступил к весьма важным опытам. Надеюсь закончить их в два-три дня, и тогда...

— И что же тогда!! — сгорал от нетерпения Соскин.

— Тогда наша артель будет производить и выпускать в продажу самое дешевое, самое верное и необходимейшее в быту средство — „Тармор“ или „Мортар“. Название мы еще обсудим и проголосуем.

— Но что же такое „Тармор“?

— А вот взгляните сюда! — пригласил Хурдомурдов к столу.

На столе стояла тарелка, покрытая стекляным колпаком (бывший „для сыра“).

Под колпаком суетливо бегало несколько ошалелых от непривычного положения тараканов: они, заметно, чувствовали себя не в своей тарелке.

— Что ж особенного? — недоумевал Соскин. — Это же тараканы.

— Вы угадали: это тараканы, бич наших квартир. Но скажите, есть ли сейчас на рынке дешевое верное средство для их уничтожения? Нет. Персидский порошок никуда не годится. Тараканы от него даже не чихают. И вот, представьте, наша артель „Собрук“ выпускает на рынок тараканьи капли. Достаточно нескольких капель, и все тараканы дохнут, как один...

— И эти капли?..

— Они еще не готовы. Но я уверен, что опыты увенчаются успехом.

— А почему же не наоборот?

— А почему же не наоборот?

— Потому что это ново: я иду оригинальным путем. Я перепробую все, что есть под рукой: валерьянку, капли Иноземцева, нашатырный спирт, анисовые капли, касторку, английскую соль — словом, все! Может быть, придется составить смесь из этих дешевых лекарств, чтобы получить сильно действующее смертельное для тараканов питье... Это питье мы будем разливать в пузырьки и... на несчастьи тараканов построим собственное счастье! Как вам нравится?

— Наверно, больше, чем тараканам! — заключил Соскин, заражаясь бодрым настроением Хурдомурдова.

— Согласен и поддерживаю! — подал голос молчавший до сих пор Гопак-Гопаченко.

— Но що меня интересует? Меня интересует, захочут ли тараканы, батьку их в пекло, пить капли на свою погибель? Может, им покажется противно.

— Для вкуса будет подбавлен сахар. Это выяснится на опыте.

— Больше не имею вопросов — заявил Гопак-Гопаченко, и в то мгновенье, когда Хурдомурдов, приподняв колпак, накапал на тарелку нашатырного спирту, из горла Гопак-Гопаченки выскочило наружу энергичное:

— „Умрите несчастные!"...

Соскин подскочил от неожиданности и с досадой сказал:

— Тише! Тараканы не успеют покушать спирта, как уже сдохнут от вашего пенья!..

И все трое, затаив дыхание, принялись смотреть под колпак.

О том, что произошло дальше, читатель найдет подробности в следующей главе.

ИВ. ПРУТКОВ

У ПИВНОЙ

Рис. Б. Малаховского

— Чего, малютка, плачешь?

— Отца потерял... Как он теперь без меня дорогу домой найдет?..

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Первейший дурак в районе

Нижеприведенный документ печатается нами без всяких изменений и исправлений.

Начальнику милиции НКВД БМАССР. Копия Прокурору БМАССР.

Несмотря на неоднократные заметки в газете по поводу моего самодурства, выражающегося в прокатывании на казенных лошадях до Иркутска и далее, в приказаниях милиционерам и арестованным чистить мои сапоги, носить воду и колоть дрова для моей жены, я все же продолжаю свои безобразия: заставляю работать своих сотрудников сверх всякой нагрузки, уезжая, оставляю печати и паспортные бланки своей жене и мой зам ходит для прикладывания печати к ней; учета паспортным бланкам не веду, беру за паспорта по 30 коп., тогда как записываю только 10, куда идут остальные деньги ни перед кем не отчитываюсь, так как об этом никто не знает.

Люблю покрикивать на подчиненных, а в крайности напоминаю им, что я имею большие связи с ГПУ, чем их заставляю меня уважать. Авторитет населения завоевываю посредством выдачи им вне очереди паспортов.

В общем, я первейший дурак в районе, подписывать бумаги очень люблю, хотя их и не читаю.

Начальник Управления Кабанской Раймилиции БМАССР
Кашин.

Пришлите нам портретик своей исторической личности... Мы его поместим в журнале! Сообщите также, куда еще поместили вас после опубликования вышеприведенного документа?

Деревенский кошмар

Закончив свои занятия по установлению методов изучения расслоения ДВ деревни, — дальневосточная комиссия издала следующий манифест к крестьянам:

Смешение диференциации социальной с диференциацией экономической по размерам хозяйства — недопустимо, так как признаки того и другого отличаются друг от друга по существу их природы и значения как в производстве, так и в общественном положении индивидуума.

Учитывая взаимодействия и связь причинности с последствиями обоих разделов экономики и социально-бытовых условий, считается необходимым выявить и то и другое на основе их органической связи.

Необходимо принять срочные меры, чтобы крестьяне ДВ ... бы разучивать наизусть это тургеневское ... розе: того и гляди запьют!

Издатель по... фашистски

В Риме одна издательская фирма выпустила в итальянском переводе повесть Б. Ибаньеса.

„Жизнь Искусства" удостоверяет, что каждый экземпляр книжки снабжен такой наклейкой:

„Издательство „Ла Воке"... выпускает против собственной воли и исключительно затем, чтобы выполнить договорные обязательства, чрезвычайно интересную книгу антифашистской свиньи Бласко Ибаньеса".

Не возьмется ли издательство „Ла Воке" распространить в Италии несколько десятков тысяч чрезвычайно интересного и самого веселого в мире журала „Смехач", наполненного фельетонами, стихами и рисунками антифашистской пресловутой банды советских писателей и художников. Ух! Заработаете.

По вопросам заключения договора следует обратиться: Солянка, 12, Дворец Труда. (Подписная плата — 60 к. в месяц...) Спешите!!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Прокопию Овчинкину (Уральск. область).

Прокопий Овчинкин был очевидцем следующей печальной картины:

Горькие слезы,
Цветочками розы
Капали девке на грудь.

А вы, гражданин, предложили бы этой девке тот зонтик, которым вы пишете стихи в „Смехач"!? Попробуйте писать оглоблей!..

Ивану Беседину (Знаменка).

Ах, мечта, мечта, куда ты
В мир летишь далекий?..

Не выиграла ли она кругосветный полет в лотерею Авиахима? Справьтесь, Беседин, у вашей мечты!, а то мы предложим ей снизиться в нашу редакционную корзинку!

Гр. Гришкину (Слобода Каменская).

Кто за взяткой по цветам,
Кто готовит соты...
Всюду пчелы тут и там
Трудятся по НОТ'у.

Вот видите, пчелы стихов не пишут, а трудятся... Возьмите, Гришкин, пример с этих пчел!. Ваши стихи бросили, по НОТ'у, в корзину...

Скобелеву (Тверь).

Если рассказ не подойдет — просьба:
некоторое время не уничтожать.

Принимая во внимание вашу просьбу, — ваш рассказ мы уничтожили только через час двадцать минут по получении.

Издатель — „ГУДОК".

Отв. редактор — **И. Н. Пирогов.**

Главлит № 92.038 Отп. в типо-литографии „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

ДВА ИХНИХ ВОЖДЯ

Рис. Б. Ефимова

Политической злобой дня в Англии является проводимый консерваторами билль который **расширяет права палаты лордов.**
Этот варварский проект Болдуин хвастливо называет „реформой“. Но Болдуина заткнул за пояс „конструктивный социалист“ Макдональд, который, выступая с ханжеско-оппозиционной речью против этого реакционного проекта, окрестил его **„равносильным революции“**. Едва ли кто другой смог бы лучше Макдональда испоганить слово „революция“.

МАКДОНАЛЬД (Болдуину):

Все сметено, увы, могучим ливнем,
Все изменяется под жизненным дождем:
Я стал теперь вождем... консервативным,
А вы.. вы, сэр, как-будто... реввождем...
Мятеж! Подумайте! Под твердолобым знаком...
Ну, и дела под нашим зодиаком!..